

Фу Цзюньяо просиял:

— Мы можем воспользоваться тем, что этот человек только что заглядывал к нам, и под его прикрытием проникнуть в усадьбу Цинцао. Если удастся вывести доказательства того, что дядю Чэна оклеветали, обвинив в коррупции и халатности, его дело будет пересмотрено!

Чэн Цзинсюань слегка приподнял бровь:

— Мы?

Господин Фу выпрямился:

— Конечно, мы! Что, опять хочешь перепрыгнуть через реку и сжечь за собой мост? Смотри, а то перестану варить тебе лекарство — попробуй сам стать лекарем, если такой способный.

Чэн Цзинсюань тихо усмехнулся:

— Я не говорил, что собираюсь тебя бросить.

— Тогда чего лыбишься? Зубами своими белыми хвастаешься?

Улыбка Чэн Цзинсюаня стала еще шире:

— Ничего, просто подумал, что слово мы здесь очень даже к месту.

— Хм, конечно, мы, — Фу, задрал нос, отвернулся и начал переливать свежесваренный отвар в чашку. В этот момент в его голове раздался знакомый электронный звон Системы: Поздравляю Хозяина, вы получили 1 балл симпатии от целевого персонажа. Текущий уровень симпатии — 94.

Он с изумлением посмотрел на Чэн Цзинсюаня. Система что, подкрутила настройки? Просто за одно слово мы начислили баллы?

В голове снова звякнуло, и Система с насмешливой ноткой в голосе добавила:

— Он просто скрытный романтик.

— ...

— Что такое? — заметив, что Фу Цзюньяо не сводит с него глаз, Чэн Цзинсюань машинально коснулся своей щеки. — У меня что-то на лице?

— Нет... ничего. Пойдем, пойдем, проведем ту дохлую крысу, на которую ты наткнулся.

Чэн Цзинсюань взял кусок белой ткани, чтобы не обжечься, и поднял чашку с лекарством:

— Давай договоримся: сейчас мы поменяемся ролями. Я буду лекарем, а ты — моим помощником. Как тебе?

Фу Цзюньяо опешил:

— Хорошо, посмотрим, что ты сможешь учудить.

Два ряженных кота подошли к дому здоровяка-крысы. Едва они потянулись к двери, как внутри раздался грохот и звон разбитой посуды. Коты ворвались внутрь и увидели, что здоровяк в изнеможении сполз на пол рядом со столом, а вокруг валяются осколки чайника и чашек.

Чэн Цзинсюань сунул лекарство в руки Фу Цзюньяо и бросился помогать мужчине подняться:

— Доблестный воин, ваши раны еще не зажили, не стоит так неосторожно двигаться.

— Да я просто пить захотел, — прохрипел тот, — а ноги-ослицы подвели, вот и растянулся на полу, ха-ха! Должно быть, вы и есть мой спаситель? Благодарю за милость! — С этими словами он попытался опуститься на колени, но Чэн Цзинсюань поспешно его удержал.

— Не стоит, не стоит. Врач должен относиться к пациенту как к родному, это сущий пустяк.

Однако здоровяк отстранил руки Чэн Цзинсюаня с такой силой, что тому пришлось отступить:

— Э, для вас это пустяк, а для меня — спасение жизни. Долг нужно отдать, и я его отдам!

Мужчина с искренним почтением опустился на колени и отвесил Чэн Цзинсюаню самый настоящий земной поклон.

Приняв благодарность, Чэн Цзинсюань помог ему лечь обратно на кровать:

— Вижу, вы человек, умеющий ценить добро.

Фу Цзюньяо вовремя подал чашку с отваром, незаметно толкнув Чэн Цзинсюаня в бок.

Здоровяк, не обращая внимания на боль, отмахнулся:

— Мужчина должен отвечать за свои слова, иначе чем мы будем отличаться от жеманных девиц?

Чэн Цзинсюань тут же заметил, что рана на плече здоровяка разошлась, и кровь начала просачиваться сквозь бинты. Но он был лишь самозванцем, который понятия не имел, как накладывать повязки, поэтому сделал вид, что ничего не видит:

— Ваша прямота достойна восхищения.

Чэн Цзинсюань протянул ему чашку:

— У вас тяжелое ранение, сначала выпейте лекарство.

— Царапина, не помру, — здоровяк хотел было отказаться, но, передумав, взял чашку. — Ладно, раз уж здесь ни вина, ни закуски, да и денег у меня нет, выпью эту черную жижу в знак прощания с благодетелем.

Он залпом осушил горький отвар, словно дорогое вино, и вытер рот рукавом с молодецкой удалью.

— Вы уходите? — нахмурился Чэн Цзинсюань. — Но ваше состояние крайне тяжелое, вам нужен длительный покой. О деньгах не беспокойтесь: друзья всегда готовы помочь друг другу, тем более что этот отвар не стоит таких трат.

Здоровяк сложил руки в приветственном жесте:

— Благодарю за доброту. Но в моем логове случилась беда, мне нужно вернуться и проучить кое-кого из зарвавшихся мерзавцев. Если повезет выжить — обязательно отплачу за спасение. А если не повезет — что ж, в следующей жизни буду служить вам, чтобы вернуть долг. Прошу, назовите свое имя, чтобы я знал, кого искать.

— Не стоит называть меня благодетелем. Раз уж мы встретились, значит, судьба свела нас — так давайте будем друзьями, — Чэн Цзинсюань также сложил руки. — Я Фу Цзюньяо.

Настоящий Фу Цзюньяо вытаращил глаза, словно ошарашенный кот, у которого целый день был голодным, а тут еще и соседский волк утащил его последнюю сушеную рыбку.

Мужчина просиял и с такой силой хлопнул себя по бедру, что даже стороннему наблюдателю стало больно:

— Отлично, брат Фу! А я Чжу Чэнчжан. Чжу — как фамилия, Чэн — как успех, Чжан — как лук. Имя не самое простое, зато редкое — в радиусе сотен ли такого не сыскать, легко найти!

— ... — Фу Цзюньяо мысленно хмыкнул: Ого, да ты крут.

Глядя на его густую бороду, которая позволяла бы ему годиться Чэн Цзинсюаню в отцы, он не мог не удивиться тому, что тот величает его братом... мир цзянху — штука странная.

— У вас очень необычное имя, брат Чжу, — улыбнулся Чэн Цзинсюань.

Впервые кто-то похвалил его имя, и Чжу Чэнчжан воодушевился:

— Необычное, верно? Сам придумал! Когда я был маленьким, в наших краях случилось наводнение, родители погибли, и меня приютили трое великих людей. Чтобы отплатить за их доброту, я взял по иероглифу из их фамилий для своего имени, чтобы вечно помнить об их милости.

Фу Цзюньяо не знал, что и сказать. Он уже собирался выпустить порцию едких комментариев, как вдруг вспомнил: Чэн Цзинсюань упоминал, что в усадьбе Цинцао, помимо главы Чжу Юна, есть два заместителя — один по фамилии Чэн, другой — Чжан. Неужели этот Чжу Чэнчжан...

— Вы человек высоких моральных качеств, брат Чжу, — похвалил Чэн Цзинсюань.

Чжу Чэнчжан ответил тем же жестом, сбросил одеяло и начал обуваться. Кровь на ране уже пропитала повязку, и игнорировать это было невозможно.

— Прошу прощения, брат Фу, но мне пора. Я обязательно отплачу за ваше спасение!

С этими словами он лихо натянул обувь и широким шагом направился к выходу.

— Брат Чжу, постойте! — Чэн Цзинсюань незаметно дернул Фу Цзюньяо за рукав и, не меняясь в лице, крикнул: — Сяо Чэн, принеси брату Чжу порошок от ран, пригодится в дороге.

— Это... — замялся Чжу Чэнчжан.

— Если откажетесь, брат Чжу, значит, вы меня ни во что не ставите.

Чжу Чэнчжан помедлил, а потом рассмеялся:

— Ха! И чего это я стал таким жеманным? Давайте, раз уж я в долгу у такого щедрого человека, как брат Фу, какая разница, сколько еще прибавится!

Фу, которому без спроса сменили фамилию, исподтишка пнул Чэн Цзинсюаня по пятке, чтобы выпустить пар, и пошел за порошком. Вспомнив, что Чжу Чэнчжан падал в воду и рана может воспалиться, он прихватил еще лакрицы, коптиса и дикой хризантемы, наказав пить отвар из них как воду.

Чжу Чэнчжан поблагодарил обоих и решительно зашагал прочь.

Как только он скрылся из виду, Фу Цзюньяо взорвался:

— Эй, что это было? Мы договаривались поменяться ролями, кто разрешал тебе подменять меня? Да еще и фамилию мою переделал!

Чэн Цзинсюань тихо рассмеялся:

— Рано или поздно ее все равно придется менять. Но неужели тебе не любопытно, почему я так легко отпустил эту крупную рыбу?

Любопытство сгубило кошку. Фу Цзюньяо не удержался:

— И почему же?

— Усадьба Цинцао уже шестьсот лет живет по законам цзянху, где главное — верность долгу. Мы для него чужаки, и он не доверится нам, даже если сам будет на грани смерти. Он бы никогда не проговорился о делах усадьбы, так что лучше было отпустить его.

Фу Цзюньяо осенило:

— Ты решил закинуть длинную удочку, чтобы поймать большую рыбу. А не боишься, что рыба сорвется?

— Не сорвется. Усадьба Цинцао контролирует и черные, и белые пути, у них полно бойцов, способных противостоять десяткам врагов, но им остро не хватает искусных лекарей.

— А! Так сказал бы сразу! Я же те лекарства наобум смешивал, там и следа нет от моего врачебного мастерства. Знал бы, попросил у Системы пару дельных рецептов.

Чэн Цзинсюань отмахнулся:

— Не нужно. Я верю в твое мастерство.

— ... — Мое мастерство держится только на читах Системы, я сам в него не верю.

— В течение трех дней он вернется и пригласит нас в усадьбу Цинцао, — уверенно заявил Чэн Цзинсюань.

Люди знака Девы говорят мало, а делают много, и Чэн Цзинсюань был тому живым подтверждением. Судя по его знаниям об усадьбе, он не один год готовился, шаг за шагом выстраивая план, словно все было под контролем. Фу Цзюньяо столько времени провел с ним рядом и даже не догадывался об этом. Непонятно, хвалить ли его за проницательность или винить себя за беспечность.

Но даже в самых сложных и скрытных планах он никогда не пытался обмануть его.

Фу Цзюньяо скрестил руки на груди, подумав, что иметь рядом такого Деву — не так уж и плохо.

— Пойдем, — сказал Чэн Цзинсюань.

— Куда?

Чэн Цзинсюань достал из угла новую удочку и закинул ее на плечо:

— На рыбалку!

— Ладно уж. — Фу Цзюньяо по привычке взял наживку, но тут же спохватился: кажется, он опять увел разговор в сторону.

Давай все-таки обсудим подмену имен, Чэн-мерзавец, ты не можешь использовать мое имя для своих темных делишек, эй!

День выдался ясным, в горном ручье играли бирюзовые волны. Тонкий бамбуковый прут уходил к середине потока, оранжевый поплавок тихо покачивался на воде, прислушиваясь к шепоту рыб.

Вдруг поплавок дернулся. Чэн Цзинсюань осторожно потянул удочку, почувствовав сопротивление, медленно отпустил леску, давая наживке опуститься глубже. Вскоре рыба клюнула, поплавок заплесал, и он резко дернул удилище. Брызги, короткий всплеск — и на берегу забился небольшой голец.

— Похоже, удача сегодня не на твоей стороне. Столько стратегий, а в улове всего семь-восемь рыбешек, — Фу Цзюньяо сидел, подперев подбородок рукой, и небрежно наблюдал за процессом.

Чэн Цзинсюань бросил рыбу в корзину и открыл коробку, чтобы насадить новую наживку, но та оказалась пуста.

— Сходи накопай червей, — сказал он.

— Накопай? — Фу Цзюньяо представил, как он будет рыть землю в поте лица, и его передернуло. — А сам почему не накопаешь?

Чэн Цзинсюань задумался:

— Если не хочешь копать, можешь сбегать обратно за наживкой, если не боишься расстояния.

— ... — Да пошел ты, Фу больше всего на свете ненавидит ходить пешком.

Он, Фу Цзюньяо, только недавно стал господином Фу, а теперь снова превратился в младшего

брата Фу. Пришлось покорно взять ветку и идти копать червей.

Говорят, если тебе не везет, то даже вода зубы ломает. Сегодня даже черви издевались над ним: он прошел долгий путь, перерыл полберега, но нашел всего трех или четырех. Фу так устал, что разогнуться не мог, и в итоге сдался, притащив свои жалкие трофеи обратно. Издалека он увидел, что его место занято!

На большом камне у ручья бок о бок сидели двое: в белом и в синем. Белый — это, конечно, Чэн Цзинсюань, а синего он видел впервые. Видны были лишь прямая спина и черные, как смоль, волосы, но даже со спины он излучал достоинство. У Фу Цзюньяо на душе стало беспокойно.

Они тихо переговаривались, их общение казалось чистым и спокойным, как вода. Но у Фу были глаза, как у Царя обезьян — он с первого взгляда разглядел в этой идиллической картине два ярких слова: Подходят друг другу.

Гнев закипел внутри, он едва не швырнул коробку с червями. Его ярость была сравнима с гневом У Далана, торгующего лепешками, но, подумав, он осознал, что у него даже позиции У Далана нет — так, мелкий торговец грушами, который сует нос не в свое дело.

Чэн Цзинсюань, словно почувствовав что-то, обернулся:

— Цзюньяо.

Фу Цзюньяо подавил гнев, притворился, что все в порядке, и подошел, с силой швырнув коробку с рыбой в Чэн Цзинсюаня.

Тот поймал ее без труда.

— Что случилось? Почему такой злой? — спросил Чэн Цзинсюань.

Фу Цзюньяо поставил ногу на край камня, на котором сидел незнакомец, и, приняв вид отъявленного хулигана, громко произнес:

— Недоволен! Я тут корячился, наживку для кое-кого добывал, спину разогнуть не могу, а возвращаюсь — мое место занято. Кому такое понравится? — Он резко наклонился к синему мужчине: — Брат, ты как считаешь?

Тот опешил, а потом вдруг рассмеялся:

— Цзюньяо, ваш помощник такой забавный, совсем не похож на себя в детстве.

Фу Цзюньяо растерялся, машинально выпрямился, чувствуя, что что-то здесь не так.

Чэн Цзинсюань спокойно кивнул:

— Он просто вспыльчивый, не обращай внимания.

— Эй, кто вспыльчивый?

Только Фу собрался устроить скандал, как Чэн Цзинсюань приложил палец к губам:

— Тс-с, рыба клюет.

Вода внезапно вспенилась, поплавок заходил ходуном. Чэн Цзинсюань отпустил леску, удилище выгнулось дугой. Он плавно покачал его, поплавок дернулся и ушел под воду.

Пора тянуть! — закричал про себя Фу Цзюньяо, напрягаясь вместе с ним.

Чэн Цзинсюань продолжал держать леску натянутой, плавно опуская удилище.

— Если не подсечешь, рыба сорвется! — не выдержал Фу Цзюньяо.

Чэн Цзинсюань оставался невозмутимым.

Поплавок окончательно скрылся под водой. Он резко дернул — и крупная рыба, сверкая чешуей, описала дугу и упала в траву.

Синий мужчина воскликнул:

— Какая огромная рыба! Наконец-то! Поздравляю.

— И вас тоже, — Чэн Цзинсюань не выказал особой радости, лишь привычное спокойствие. Он убрал рыбу в корзину и начал собираться.

— ... — Они что, загадками говорят? Фу Цзюньяо чувствовал себя лишним.

Чэн Цзинсюань похлопал его по плечу:

— Идем.

Фу Цзюньяо послушно пошел следом:

— О чем вы там загадками говорили?

— Не бери в голову, просто иди за мной.

— Эй, что это значит? — возмутился Фу.

Чэн Цзинсюань помолчал:

— Кстати, ты так долго ходил, наживку-то нашел?

Фу Цзюньяо тут же переключился и начал ворчать:

— Конечно нашел! Сейчас черви пошли хитрые, как обезьяны — слишком мелко не любят, слишком глубоко не сидят, чуть что — сразу в землю, фиг поймаешь!

Чэн Цзинсюань восхитился:

— Тяжелая работа. Давай этих гольцов зажарим, все тебе отдам.

Фу Цзюньяо хмыкнул и свистнул:

— Ого, какой ты щедрый.

Браслет созвездий на его руке слегка завибрировал, и в голове снова раздался голос Системы: Хозяин может продолжить расспросы, искренность повысит уровень симпатии.

Фу Цзюньяо незаметно похлопал по браслету, но промолчал.

В итоге поесть жареных гольцов ему не удалось, потому что пришел Чжу Чэнчжан. Он принес ту самую рыбу, которую так хотел Чэн Цзинсюань, и выглядел крайне встревоженным.

— Брат Фу, спасай! — проревел он так, что горы затряслись, совсем не похоже на человека, которому нужна помощь.

Ладно, Фу Цзюньяо никак не мог привыкнуть к тому, что Чжу Чэнчжан называет Чэн Цзинсюаня его именем — это же какая-то шизофрения!

— Брат Чжу, у вас что-то болит? — спросил Чэн Цзинсюань.

Чжу Чэнчжан не сразу понял его витиеватую речь, но поспешно ответил:

— Да плевать на меня! С моими братьями беда!

Он вытащил из кармана серый мешочек, набитый золотыми слитками, и попытался сунуть его в руки Чэн Цзинсюаню:

— Брат Фу, ты лекарь от бога, и мы с тобой прошли через огонь и воду, не буду ходить вокруг да около. Пришел просить о помощи, во-первых, с деньгами, а во-вторых — спаси моих людей!

Чэн Цзинсюань попятился, уворачиваясь от золота:

— Брат Чжу! Ты меня оскорбляешь этим!

Чжу Чэнчжан замер, чувствуя холод в груди: эти ученые сухари, не хотят помогать, так еще и деньги для них — оскорбление?

Фу Цзюньяо закатил глаза: он просто брезгует грязным мешком!

Чэн Цзинсюань продолжил:

— Как ты сам сказал, мы с тобой как родные братья. Если что-то нужно — просто скажи. Зачем примешивать сюда деньги, только портить наши отношения?

Чжу Чэнчжан понял: раз уж это спасение жизни, за него нужно платить жизнью, а не золотом. Он убрал деньги и опустился на колени:

— Прошу, брат Фу, спаси моих братьев!

Чэн Цзинсюань поспешно поднял его:

— Говори, что случилось.

— Брат Фу, я из усадьбы Цинцао. Слышал про такую? Мы собираем пошлину на провоз зерна по рекам и дорогам. Недавно у нас случился конфликт с черными дельцами, они хотели провезти зерно без оплаты, завязалась драка. Эти мерзавцы, видя, что проигрывают, применили яд — десяток моих братьев погибли.

Глаза Чжу Чэнчжана налились кровью:

— Мы вышвырнули их прочь, но десятки моих людей отравлены. Наши лекари умеют лечить только простуду, против яда они бессильны. Пришлось прийти к тебе, прошу, помоги, иначе они умрут!

— Это... — Чэн Цзинсюань на секунду замолчал, словно хитрый лис.

Чжу Чэнчжан в страхе снова упал на колени, ударившись лбом об землю так, что раздался глухой стук, и тут же поднял голову с огромной шишкой:

— Прошу, брат Фу, спаси их!

Чэн Цзинсюань снова поднял его:

— Спасение людей не терпит отлагательств. Ради тебя, брат Чжу, я готов на любые неприятности. Пойдем немедленно.

Чжу Чэнчжан прослезился:

— Благодарю, брат Фу!

Сказано — сделано. Они немедленно отправились в путь.

<http://bllate.org/book/20359/2035415>